

18+

Сергей Кравченко

ПЕРЕКРЕСТОК ЧЕТЫРЕХ ДИНАСТИЙ

Кривая Империя III

1533 - 1610

Сергей Иванович Кравченко

Перекресток четырех династий. Кривая империя – III. 1533–1610

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67738178

ISBN 9785005650092

Аннотация

Третья книга проекта «Кривая империя» рассказывает о странном столетии династических потрясений. Автор передает современным языком удивительные события русской истории в эпоху от ига до воцарения Романовых. В России несколько раз менялся правящий дом, и все это было – Смутное время... Яркие, драматические, кровавые картины извлечены из академических наслоений, освобождены от политизированных толкований.

Содержание

Перекресток четырех династий	5
Елена Глинская. Правление Женское	5
Правление Боярское	9
Имперская Теория. Главный вопрос Философии	16
Второе пришествие Иоанна Грозного	21
Достойный повод выпить	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

**Перекресток
четырех династий
Кривая империя
– III. 1533—1610
Сергей Иванович
Кравченко**

© Сергей Иванович Кравченко, 2022

ISBN 978-5-0056-5009-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Перекресток четырех династий 1533 – 1610

Елена Глинская. Правление Женское

Василий умер, но успел оставить распоряжение, что правительницей при младенце Иоанне должна быть вдова Елена. Все было подробно оговорено: как трем приближенным лицам – Михаилу Юрьеву, Глинскому и Шигоне при Елене быть, как им к ней входить.

«Входить» мы должны понимать как хождение с докладами», – оговаривался деликатный Историк, чтобы мы не подумали чего дурного.

Но надо было и маленького Иоанна короновать. Пропели многия леты по церквям, благословили ребенка на великое княжение, по городам поскакали лейтенанты принимать у народа присягу новому царю. Присягнули Иоанну и дядья, которые от власти будто бы отказались, но вполне превозмочь свои Чувства по обыкновению не могли.

Василий заранее уговаривал братьев не лезть в цари, они кивали, но бес их не оставлял. Начались переезды удельных князей от одного васильева брата к другому, и Елена заволновалась.

Как черти из бутылки, выскочили и претенденты на заполнение вдовьих пустот. Елена «сблизилась» с князем Иваном Овчиной-Телепневым-Оболенским, который сразу стал мешать Михаилу Глинскому «отдавать свое тело на раздробление». Овчина лучше распорядился своим телом, и Глинский был посажен в кутузку, где вскоре и умер.

Елена почувствовала вкус к командованию и стала распоряжаться, кого сослать, кого заточить, кого убрать по-тихому. Завертелось чертово колесо интриг, подставок, доносов. Маленький Иоанн только вздрагивал: в отблесках костров на Красной площади ему чудились персонажи бабушкиных сказок, злодеи, горынычи в людском обличье. Вокруг бушевала измена. Казней было мало, потому что «нельзя же было всех перевешать», но ужас повис в воздухе. Бояре, заходя в детскую к Иоанну, поглаживали его по темечку: бедный малютка вот-вот останется без головы! Дикий, параноидальный страх с трехлетнего возраста впитался в сны маленького Вани. Все эти взрослые дела были ему непонятны. Но мама все время находилась в состоянии бешеного напряжения, с милого лица ее не сходил кровожадный оскал. Какое тут могло быть благонравное воспитание? Никакого.

Хорошо хоть поляки да литовцы не сидели смиренно. Видя Москву без твердой власти, они поднялись в поход, чем урезонили немножко московских баламутов. Но Ване от этого стало еще страшнее: в тереме зашептали о войне.

Литовцы вторглись на Русь, взяли Гомель и Стародуб, на-

били 13 000 наших душ, безразличных для истории. Почеп наши сожгли сами и построили новый город Себеж. Литва напала на него, но пушки агрессора стали взрываться от дурного литвя. Отсюда произошел перелом в войне. Московские удалцы стали прогуливать по литовским землям, общее настроение повысилось.

Странное дело, при Елене после этого больше не пришлось воевать. Она очень умело вела переговоры, ни на шаг не отступала от завоеваний мужа и свекра, сумела договориться и со Швецией, и с Литвой-Польшей, и с Крымом, и с Казанью. Через четыре года правления этой жестокой и умной женщины не осталось уже и дел важнее, чем ловить фальшивомонетчиков.

Правда, это дело тоже было нешуточное. Жадные до чужого добра люди стали резать монеты – просто откусывать от них половинки и насильно всовывать продавцам «государевы деньги». Можете вы себе представить, чтобы у нас в кабаке вы расплатились за бутылку оторванной половинкой сотни, а на вторую – тут же за углом – еще купили бы закуски? Нет. Это слишком. А на Руси такое бывало сплошь и рядом. Елена перечитала судебные дела покойного мужа и обнаружила, что он очень круто разбирался с какими-то «многими людьми». Как милость – им отсекали руки, а по настоящему – лили расплавленное олово в рот, чтобы неповадно было плавить казенные деньги и добавлять это олово в серебро 50 на 50! Ловкие русские штамповали потом из хит-

рого сплава некое подобие монет с неопределенным рисунком. А на рисунок никто и не смотрел: деньги принимали весом. Инфляция достигла 100%. Против серебряной гривны теперь приходилось насыпать на весы 500 московских копеек вместо 250. Елена все это запретила, но печатать монету стала облегченную. Теперь гривна вмещала 300 копеек, чтобы не было большого убытку обманутым вкладчикам.

Елене понравилось приводить в порядок законодательство и финансы, она стала раздавать лицензии на бобровую охоту, допустила в Думу часть второсортных «детей боярских», строила кое-какие города.

Такое благостное правление было обидно и раздражительно. А тут еще Еленин мужик с тройной фамилией стал вести себя вызывающе, демонстративно застегивался и расстегивался у царицыной спальни, власть себе забрал невероятную. И скинуть наглого фаворита при жизни Елены никак было невозможно. Пришлось Елене умереть апреля года без видимых причин. «Отравили!» – хором вздохнули Писец и Историк. **3 1538**

Правление Боярское

Восьмилетний Ванюшка остался круглым сиротой. Ему бы в первый класс ходить, изучать Аз-Буки-Веди, но приходилось бросать ученье и идти в люди – трудиться и работать. Царем.

Но и тут было сомнение: долго ли дадут поцарствовать? Или сразу задушат, в ночь после маминых поминок? Все к тому и шло.

Но нет, приличия соблюдались целых семь дней. А уж потом главный воевода Василий Васильевич Шуйский (помните, как он перевешал смоленских партизан в царевых шубах?) позвал своих братьев и переловил всю свиту Елены во главе с Оболенским и сестрой его Аграфеной – мамкой маленького Вани. Последнюю родную душу отняли у пацана.

Здоровяк Оболенский сразу скончался в тюрьме. Было сказано, что от непривычки к тюремной баланде и «тяжести оков». Аграфена отправилась в монашки. Навстречу ей из тюрем выходили политические.

Нечаянно освободили и опасного конкурента Шуйских, князя Бельского. Пока снова сажали его в застенок, пока хватили подручных и родню, пока рубили голову Писцу Мишурину за слишком большой авторитет, сам Василий Шуйский расхворался и помер.

Эта мешкотня спасла жизнь Ване. О нем почти забыли,

его отложили на потом. Но в году, летом, троицкий игумен Иоасаф, перебежав в очередной раз от Шуйских к Бельским, извернулся подсунуть на подпись десятилетнему царю указ об освобождении Ивана Бельского. Сработало! Бельский нагло появился в Думе, стал без доклада ходить к царю, вместе с Иоасафом амнистировать одного за другим врагов Шуйских. Эти люди гораздо нежнее стали относиться к царю Ване, чем прежняя команда. **1540**

Тогда Шуйские стали звать Русь к топору. Подняли Новгород. Собрали большое количество бояр да дворян и января года ночью вошли в Москву с сотнями дружинников. Неожиданное вторжение небольшого отряда имело успех. Бельских со товарищи перехватили. Ивана Бельского отправили в ссылку, но потом одумались – нельзя же без конца повторять одну и ту же ошибку и послали вдогонку трех убийц. Убили князя. Иоасаф бежал в спальню к царю. Отсюда его выволокли и увезли в ссылку. Ваня в слезах и ужасе дрожал под одеялом. Жуткие ночи боярских разборок одна за другой отпечатывались в сердце ребенка. **3 1542 3**

Шуйские почти воцарились. Положение маленького великого князя становилось смертельно опасным. Шуйские хватали, избивали, волокли на расправу дворян государя прямо из-за обеденного стола в его присутствии. Послал как-то Иван митрополита заступиться за какого-то избиваемого, так митрополиту наступили на мантию и толкнули: пошел, козел! – мантия треснула сверху донизу. В общем, держа-

ли Ивана за предмет мебели, никто не занимался его воспитанием и образованием. И напрасно! Стал Ваня сам читать книжки зарубежных авторов. А в книгах, как мы знаем, одна только ересь да суета!

Когда тебе 13 лет, когда тебя в глаза все называют великим князем, надеждой всего прогрессивного человечества, то ты как-то забываешь о щипках и шлепках, о жутком шепоте в дворцовых переходах и начинаешь задумываться: а в чем оно состоит – твоё величество?

Вот дед и отец, хоть и не были венчаны на царство, но назывались царями. А вот – в книге описан быт и нравы византийских царей да римских императоров, так это – цари! Нужно было Ване поразмыслить, как и самому стать настоящим царем, сильным и грозным. И время у него на это – было. Ваня не только читал и наблюдал, он впечатывал навек в свою память всю ненависть, весь страх, все презрение к жизни и достоинству других людей, так часто его обижавших.

«Иоанна оскорбляли вдвойне, – замечает Историк, – оскорбляли как государя, потому что не слушали его приказаний, оскорбляли как человека, потому что не слушали его просьб, в Иоанне развивались два чувства: презрение к рабам-ласкателям и ненависть к врагам, ненависть к строптивым вельможам, незаконно похитившим его права, и ненависть личная, за личные оскорбления».

Вот запомним, для примера, две фамилии – Шуйский

и Тучков. Первый в присутствии Ивана клал ноги на постель его отца, второй топтал ногами и колол спицами вещи покойной матери. Они думали, он это забудет?

Придворные в своей обычной наглости хватили через край. Кто же знал, что малец выживет? Надо было знать. А они себе на беду воспитывали в дурном мальчишке порочные наклонности. На развлечение ему приводили кошек, собак, а потом и арестантов, чтобы он их сбрасывал с кремлевской стены. В 15 лет Ваня с бандой таких же сопляков уже скакал по ночным улицам Москвы, избивал и грабил прохожих.

И вот настал час. Волчонок решил, что пора опробовать зубки. Они уже изрядно подросли, испытали упругость тела, хряск костей и вкус крови.

Иван напал 29 декабря года, ровно 455 лет назад, день в день от сего дня, когда пишется эта строка. Он велел схватить и отдать псарям первосоветника боярского Андрея Шуйского. Псари убили вельможу, волоча в тюрьму, – а чего ж он сопротивлялся органам и не шел сам, куда следует? В ссылки были разметаны все прихлебатели Шуйских. Какая казнь постигла Тучкова, остается только догадываться, но он исчез. **1543**

«А бояре стали от государя страх иметь и послушание», – обрадовался верный Писец.

Тут Афанасий Бутурлин выразился неудачно, может быть, при дамах, и ему 10 сентября года прилюдно отрезали язык.

Круто! Соответственно и кодро Бутурлина быстро последовало в Сибирь. Ох, пардон! Сибири еще у царя не было. Вот когда, небось, он задумал ее присоединение! – ссылатъ воров в европейскую часть Росии стало как-то смешно. **1545**

Иоанн показал всем, что штурвал государственной посуды находится в крепкой руке 15-летнего капитана. Он казнил и прощал чужих, щелкал по носу своих, чтоб не высовывались.

Выяснилась прелюбопытная особенность юного царя. Он не боялся простого народа. Он его просто не замечал. Вот на охоте произошла перестрелка между новгородскими пищальниками, принесшими челобитную, и качками из личной охраны царя. Случились жертвы. Вы думаете, Иван велел перевешать новгородцев, как это с удовольствием сделали бы его отец и дед? Нет! Он про них забыл и думать. А послал он своего Писца, дьяка Ваську Захарова, чтобы тот погрелся у костров и узнал, кто подбивал народ на бунт. Потому что «без науки этого случиться не могло!» Васька походил, послушал, и вот, пожалуйста, главари нашлись: князь Кубенский и двое Воронцовых. Тут же – головы долой. Собщников – в ссылку.

13 декабря года, как только миновала царя страшная, позорная строчка «дети до 16 не допускаются», он кликнул митрополита и велел себя женить. Не слышал еще мальчик о сексуальной революции, о превратностях брака, о больших возможностях царского служебного положения. **1546**

На другой день митрополит созвал молебен, куда приглашены были даже опальные, но приличные семейства. Вдоволь помолвившись, двинулись к царю. И царь сказал им, что сперва хотел он жениться за границей. Но потом передумал. К чему-то вспомнились ему покойные папа с мамой, пришла несвязная мысль: а вдруг мы с молодой не уживемся, так куда ж ее девать? И решил царь жениться на своей, русской.

Митрополит и окружающие умилились, заплакали от радости, что Иван такой самостоятельный да смышленный: даже поручил митрополиту и боярам невесту приискать! Все растрогались до обморока.

Только, что это там еще говорит наш Ваня? А говорит он таковы слова, что все думские мудрецы, все теоретики-богословы не сразу и понимают их новизну и опасность. Как бы скороговоркой пожелал государь перед венчанием брачным венчаться на царство! Ох, никто до него на это не дерзал! Венчались на великое княжество Киевское, потом Владимирское, потом Московское и всяя Руси. А на царство в мировом масштабе – это пока нет.

Венчание на царство означает, что вот ты стоишь в Успенском соборе, задравши голову, а вон там – в синей чаше, размалеванной шипастыми звездами, – твой Бог. Ну, тут еще вокруг суется какие-то мелкие, смертные людишки. И ты говоришь Богу (а людишки поддакивают), что ты пришел под руку Господню осуществить волю Божью на . А Бог с твоим приходом соглашается, ну что ж, говорит, Ваня, давай

поработаем. И митрополит мажет тебя миром и елеем уже как бы не сам, а будто бы рукой Бога. И становишься ты, сирота, «помазанником божьим». *всей земле*

И теперь ты – Царь в законе, а не на бумаге, и это – великая власть, в принципе, – над всем миром, и это – великая ответственность перед Богом. Если раньше крымские Гирейи получали от твоего отца письмо с подписью «царь», пьяно ржали и в ответном письме обзывали царя «улусником», а он из дипломатических соображений умывался от плевка, то теперь ты, Ваня, отвечаешь за честь царского имени перед Богом. То есть, должен ты немедля брать Перекоп, сечь башку Гирею и всему его выводку, крестить крымско-татарский народ в севастопольской бухте, открывать Бахчисарайский фонтан для всенародного посещения.

Бояре да дворяне, отцы святые в суете при таких делах, поди ж и не поняли, что кончилось правление боярское, кончилась спокойная жизнь, опять кончилось старое Время.

Имперская Теория.

Главный вопрос Философии

Зачем ученый люд сочиняет теории?

В научных кругах считается, что разработка теорий необходима для развития практики в нужном направлении. «Практика без теории слепа». Это значит, что изобретатель колеса или паруса обязан сначала долго мучиться над бумагой или пергаментом, анализируя свойства разных воображаемых конструкций и моделируя в голове сопротивление среды. А уж потом взять да и вырезать деревянный кружок для тачки, сшить полотняный квадрат для парусной лодки. И сразу ехать под горку, плыть в открытое море.

На самом деле, за исключением нескольких сумасшедших случаев, никто заранее ничего такого умного не рассчитывает. Сначала долго спотыкаются о круглые камни и подставляют плащи попутному ветру, потом вырезают колеса и паруса, а уж потом, путешествуя в карете или на яхте, задают себе праздный вопрос: как зависит тряска от веса колеса, а качка – от формы паруса. Да и тут, в основном, обходятся природной смекалкой или практическим опытом. «Теория без практики мертва». Удачливых любителей препарировать труп, а потом оживлять его, в истории известно немного.

Строительство Империи всегда было сугубо практическим, земным делом. Известные Империи создавались кон-

кретными людьми в порядке интуитивного эксперимента, на основании инстинктов и чувств. Это уже потом теоретики стали придумывать разновидности Империи – Коммуны и Утопии. Их модели существовали недолго, создавались, жили и гибли не так, как задумывал беспокойный автор. Сам выдумщик никогда не становился Императором. Всегда из-за спины мудреца выскакивал какой-нибудь юркий параноик с сухой рукой, и дело поворачивалось в правильную, чисто практическую сторону.

Тем не менее, интересно поставить себя на место первобытного социолога и попытаться разработать теорию, идею, методологию имперского строительства.

Вот, лежим мы, значит, на теплом античном песочке и сочиняем вопросы, важные для жизни каждого человека. И сами же на эти вопросы отвечаем. В конце концов, любая теория – это ответы на вопросы: «что делать?», «кто виноват?», «кто такие „Друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?», «как связаны масса, энергия и скорость света?», «кто крайний?».

Надо заметить, что теоретик Империи не должен опускаться до житейских раздумий над ерундой, сокрушаться о массе тела и скорости света. Его Главный Вопрос звучит так:

«НУ, А ДАЛЬШЕ-ТО ЧТО?»...

Вот, я смотрю, вы не ощутили сразу величие и глобальность этого вопроса! Этот вопрос – краеугольный камень,

корень жизни, соль земли.

Попробуйте в любое мгновение дневной суеты, в любом месте нашей планеты, в любой ситуации задать себе или окружающим какой-нибудь из «научных» вопросов. Вы очень легко можете почувствовать себя идиотом. А как вас еще понимать, если в очереди за колбасой вы вдруг выкрикиваете на весь магазин: «А что, „Е“ у вас равно „М“, умноженному на „Ц-квадрат“?». Неплохо также в пылу футбольного матча побродить по трибунам стадиона и поприставать к нервным болельщикам с вопросами о «Друзьях народа» или первичности материи и сознания. Как раз схлопочешь флаг под дых!

А наш Главный Вопрос подходит к любой ситуации. В магазине вам на него ответят, что «дальше» очередь просили не занимать, колбаса кончается. На стадионе вам скажут, что «дальше» «Спартак» станет чемпионом, и это неизбежно, как падение подгнившего Ньютонова яблока. Наш Вопрос уместен и в портовом борделе и в королевском философском обществе. И даже если подняться на тайную горную вершину и в туманном дворце поставить Вопрос ребром, то и тут получишь уместный и правильный ответ: «А дальше вы все умрете!» Поэтому я надеюсь, что наше открытие, наш Главный Вопрос вы, дорогие читатели, пронесете с собой через все оставшиеся годы и расстоянья.

К строительству Империи, к разработке ее теории способен приступить только тот, кто хорошо усвоил первич-

ность главного вопроса. Он не будет коротать жизнь на околосветовых скоростях, не будет заниматься мелкой политической возней в унылом провинциальном городке, он вырвется из повседневной колбасной суеты. Он все время будет держать в подсознании наше . И он не будет мешкать. Не будет знать жалости и эстетских колебаний. Остановившись в своей любознательности у самой последней черты перед мудрым летальным ответом, Творец Империи сформулирует целую вереницу более мелких, тактических вопросов. И сам быстро и правильно ответит на них. **«ну, а дальше-то что » ?**

Надо ли работать? *Вопрос 1.*

Работать надо! *Ответ 1.*

Работа порождает много прекрасных вещей, вкусную еду, вино, удовольствия. Но работать надо вообще. Всем трудящимся. А конкретно мне работать не надо. Не хочется. Тяжело, вредно для здоровья. Пашешь, пашешь, ? Мозоли, грыжа, остеохондроз, инфаркт, вечная память до сорокового дня. Нет, пусть лучше пашут другие, а мы придумаем, как им с нами поделиться. **ну, а дальше-то что**

Сколько мне нужно женщин, рабов, земли, машин, богатства – всего, что есть хорошего? *Вопрос 2.*

Много! *Ответ 2.*

Мне нужны все девки села Берестова, все экспонаты Парижского автосалона, все Южное Приднепровье. А дальше – вся Восточная Европа, да и Западную приберем. А там

и Азия не за горами. Урал – разве ж это горы? Короче, мужик, кончай мелочиться, дальше нам нужен весь мир! Но начнем мы с Южного Приднепровья. ? *Ну, а дальше-то что*

А захотят ли люди, божьи твари, народы этих украин, франций и канад под мое крыло? Не тяжело ли им будет строить мою Империю? Не простудятся ли они на возведении пирамид и рытье каналов? Не вывихнут ли ручки-ножки в кавалерийских упражнениях? Не поистратятся ли в освоении сибирских курортов? Не вырождаются ли морально в кровопролитии, голоде, оскорблениях и унижениях; не научатся ли чему дурному в своем скотском прозябании ради моей великой цели? Не следует ли их пожалеть, полюбить да поглубить, поучить да полечить? *Вопрос 3.*

Перебьются! *Ответ 3.*

Ну, пожалеешь ты их. Поучишь и полечишь, так они разлентяются, разъедятся, разнежатся да расплодятся. В лучшем случае – одном из ста – скажут тебе «спасибо». Дальше все они все равно передохнут. И следа от них не останется. А пирамида будет стоять недостроенной на посмешище археологам. А музеи наполнить будет нечем. И великой страны, Империи имени Твоего Имени, на глобусе не будет! *Ну, а дальше-то что ?*

Вопросы эти задавать можно без числа. Важно только при подборе ответа вовремя проверять его правильность нашей великолепной формулой « ? »! *ну, а дальше-то что*

Второе пришествие Иоанна Грозного

Когда мы учились, нам многократно объясняли роль личности в Истории. Объясняли все время по-разному, но подводили к одному: не личность определяет Историю, а общественная необходимость, мировой процесс, воля народных масс. Ради приличной оценки мы с этим соглашались. Пусть личность не определяет Историю. Пусть она ее только делает.

Мало на Руси найдется персонажей, которые до такой степени «сделали» Историю и народные массы, как Иван Грозный.

16 января года Иоанн IV Васильевич венчался на царство. Весть о воцарении Иоанна понеслась по стране вдогонку за сватьей грамотой. В той грамоте было сказано: «Когда к вам эта наша грамота придет и у которых будут из вас дочери девки, то вы бы с ними сейчас же ехали в город к нашим наместникам на смотр, а дочерей девок у себя ни под каким видом не таили б. Кто ж из вас дочь девку утаит и к наместникам нашим не повезет, тому от меня быть в великой опале и казни. Грамоту пересылайте между собою сами, не задерживая ни часу». Вот так! **1547**

Этот, совсем уж сказочный эпизод полон страсти, надежд, опасений и романтики. Будто ожила на миг Русь Владимира и Мстислава.

На практике все, однако, было не столь занимательно. Потные гонцы мотались по губерниям. Отцы приличных семейств чесали в затылке: что есть «дочь-девка»? Непонятно и страшно было также значение слова «казнь». И совсем уж жуткие сцены представлялись в мужском воображении. Вот к царю приводят целые толпы дочь-девок. Что и как он с ними будет делать?

Но все обошлось местными конкурсами красоты. Во втором туре в Москве победила Анастасия, «девушка из одного из самых знатных и древних боярских родов: дочь умершего окольничего Романа Юрьевича Захарьина-Кошкина». Историк простительно преувеличил древность и знатность рода Анастасии – она была первой «Романовой». Царь тоже полюбил ее с первого взгляда.

февраля отгуляли свадьбу. Тут и начались какие-то нелады с Небом. **3**

12 апреля вспыхивает сильный пожар в Москве. 20 апреля – другой. июня падает большой колокол – «Благовестник». Теперь нескоро на Руси услышат благую весть. **3**

21 июня – снова страшный пожар. При сильном ветре море огня несется от очага в церкви Воздвижения на Арбате по крышам домов и поглощает весь западный край столицы до реки Москвы. Тут же вспыхивает маковка Успенского собора в Кремле, пылает и сгорает вся царева, казенная и божья недвижимость: «царский двор», «казенный двор», Благовещенский собор, Оружейная палата со всем оружи-

ем, Постельная палата с казною, двор митрополита. В каменных церквях остались только стены; погорело все добро, которое горожане натащили под божью защиту. Только в главном, Успенском соборе уцелел иконостас. Митрополит Макарий, крупный средневековый писатель едва остался жив, прижав к груди чудотворную икону Богородицы, лично рисованную праведным митрополитом Петром. Из обложенного огнем Кремля митрополита спускали на веревках к реке, так и веревки оборвались, и Макарий расшибся до бесчувствия. Сгорели все торговые ряды, лавки, посады, все, что окисляется при нагревании. Ну, и народу, конечно, погорело 1 700 душ.

Царь с молодой женой и боярами уехал от такой беды на дачу в Воробьево.

Тут, конечно, что-то было не так. Жара стояла, но это – пустое. Обезумевшие толпы москвичей напомнили Ивану страшные ночи детства, огонь московского пожара смешался в его зрачках с безумным душевным огнем. А тут еще начальники, ответственные за противопожарную безопасность, стали путать след. Стали говорить, что Москва сгорела не просто так.

– А как? – побежали мурашки по спине царя.

– А вот как. Стало нам, государь, доподлинно известно, что некие чародеи вынимали сердца человеческие, мочили их в воде, водой этой кропили по улицам. Как же Москве было не загореться?

В общем, Челяднин, Скопин-Шуйский, протопоп Бармин – сочинители этих сказок – плохо повлияли на процесс душевного умиротворения Иоанна, начатый нежной женитьбой. Выиграли ненависть и подозрительность, вспыхнуло кровавое Чувство! Был учинен «розыск».

26 июня бояре из спецслужб согнали на площади Успенского собора «черных» то ли от сажи, то ли по происхождению людей и стали строго спрашивать, кто запалил город славный. Все дружно и точно отвечали, что это княгиня Анна Глинская с детьми колдовала. Чекисты засомневались. Было ясно, что «черные» ненавидели Глинских и за старые дела, и за продолжающиеся их бесчинства при Иоанне. К тому же, мы помним, что Глинские – это последние близкие родичи царя по матери. Трудно было их не терпеть, еще труднее – обидеть. Но достали!

Дядя царя Юрий Глинский стоял тут же и все это слышал. От греха он решил перепрятаться в Успенском соборе, но бояре и туда запустили чернь. Глинского убили в соборе, труп выволокли на базарную (Красную) площадь, где казнили уголовников. Начался беспредел. Били насмерть всех Глинских, около-Глинских и типа-Глинских. Забили насмерть целую делегацию каких-то Северских бояр, которых просто попутали с Глинскими.

Бунт полыхал, как давешний пожар, и, казалось, потушить его – не в силах человеческих. А Бог – ясно и дураку на паперти – палец о палец не ударит. Чем-то царство Иоан-

ново становилось ему не в масть. Толпа черного народа, перебив всех встречных в ярком платье, стала вспоминать, какие еще Глинские бывают.

– Э! Так есть же еще бабка царева, Анна – самая главная колдунья! Она у царя на госдаче прячется! – подсказывали скромно одетые молодые люди без трудовых мозолей.

Толпа рванула на Воробьевы Горы. Стали дерзко кричать на царя, давай сюда бабку, всех Глинских, какие есть, и, вообще, давай всех сюда и будем разбираться, чего ты нам на шею навенчал! Хотели взять малолетку на испуг.

Ответ был мгновенным и взрослым. Сбоку вышли люди с нехорошими лицами, быстро вырубали нескольких крикунов и заводил. Толпа замерла.

– Ну, что, люди добрые, заскучали? Зрелищ хотите? Их есть у меня! Вот, к примеру, посмотрите на казнь воров.

Тут же стали чинно и медленно резать, рубить, вешать главарей. Народ стоял оцепенело и делал вид, что он не при делах, а сюда пришел просто так, поглядеть на представление.

Наступил покой. Глинские были низвергнуты. Но и бояре не восторжествовали. Вот, казалось, им прямая дорога в совет к царю – других-то никого нету. Так не зовет государь своих бояр. Чем-то не любви ему остатки Шуйских, Темкин, Бармин, Челяднин. Иоанн вообще совершает подлинную геральдическую революцию: раз мне бояре подозрительны, а друзья юности нужны, то я и выберу друзей себе сам.

Так во дворце появляются два фаворита – простой, неглавный попик погорелого Благовещенского собора Сильвестр и Алексей Адашев. А это кто? А никто. Адашев получает место «ложничего» – взбивает перины и ведет с царем душевные беседы на сон грядущий. Эти беседы были царю необходимы. Он ясно сознавал свою греховность и искал спасения души в исполнении тяжелой миссии помазанника божьего. «Нельзя ни описать, ни языком человеческим пересказать всего того, что я сделал дурного по грехам молодости моей», – писал потом Иоанн церковному собору.

Теперь новые друзья уверяли царя, – и он им верил, – что пожар подвел черту под списком непрощенных грехов, и далее все будет хорошо. Сильвестр, Адашев, искупительный пожар московский и медовый месяц подействовали благотворно на царя. Все заметили добрую перемену в его характере. Он стал мягок и озаботился смягчением нравственности масс. года Иоанн уговаривал людей жить дружно. Он сам выходил на площади и обращался к толпе с увещеваниями. Иностранные послы доносили о нем, как о «словесной премудрости риторе». **Три**

Но народ слушал, да кушал. В двадцать лет Иоанн наконец повзрослел и решил устроить порядок на демократической основе. Был созван съезд со всех концов страны. Царь обратился к делегатам с Лобного места. Сначала он долго каялся митрополиту и публике, потом воззвал от чистого сердца: «Люди Божии и нам дарованные Богом! Молю вашу веру

к Богу и к нам любовь: оставьте друг другу вражды и тягости». Потом царь пообещал лично рассматривать и справедливо решать крупные дела. Съезд разъехался в недоумении.

А царь пожаловал Адашева в окольные, поручил ему принимать челобитные от бедных и обиженных, не бояться сильных и славных, руководить судом по своему усмотрению. Так был сломан старый порядок. Бояре учились терпеть «подлых» начальников.

Теперь молодому царю нужно было славно повоевать. Сбоку оставалась недобитая Казань, ею и занялись. Царь сам сел в седло, три года – с по – глядел на басурманский город через великую Волгу, положил немало войска, но настоящей победы не добился. Пришлось ставить в Казань наместника с согласия правоверных. Получалось какое-то новгородское безобразие. **1549 1552**

На всякий случай наместнику Микулинскому придали сторожевой полк. Пока Микулинский добирался до Казани, два татарина из его свиты убежали вперед, взбунтовали стражами всякими мирных жителей и заперли город.

Еще не успокоили своих татар, как неожиданно на Тулу налетели крымские. Царь, оказавшийся поблизости, сильно испугал крымцев, они бежали, бросая коней.

Тут уж всерьез взялись и за Казань. Она была осаждена 150-тысячным войском с большой артиллерией. Царь был во всей красе. Татары с удивлением смотрели со стен, как русские отряды, – каждый в свой черед, а не навалом, как

обычно, – бросались на штурм. Иоанн вспомнил прародителя Владимира и стал искать, откуда казанцы воду берут. Источник был найден и взорван «размыслом» – немецким инженером, «искусным в разорении городов». Следом взлетела на воздух и крепостная стена. С устроенной вплотную к городу башни по осажденным били снайперы. Битва была страшной и жестокой. К концу ее в Казани не осталось никого: царь велел пленных с оружием не брать, а ни один казанец оружия не сложил.

2 октября года Казань была повержена, но народ в лесах по Волге оставался мусульманским. Тут бы надо было его и крестить, но Иван замешкался, и партизанщина продолжалась еще несколько десятилетий. А полумесяц застрял в казанских небесах и до сего дня... **1552**

Два года прошли в стычках с Крымом. Иоанн наотрез отказался платить «поминки» – дань крымским разбойникам. Те стали просить пропуск на Литву: надо же что-то кушать! Царь не пропустил их и запер Перекоп. С непривычки без грабежа в Крыму сделался голод.

В году начались нелады с Ливонией: там протестанты сгоряча вместе с католическими костелами попалили и православные церкви. Переговоры о дани Москве бестолково тянулись 4 года. В январе года был предпринят удачный рейд. Войско вернулось в Москву, перегруженное добычей. Вскоре была взята Нарва, причем битые жители будто бы запросились в союз нерушимый сами. А там взяли и Дерпт. **1554**

Страна крепла и расширялась. Не было ни одного прокола в действиях молодого царя. Казалось, благословение Господне осеняет-таки буйну голову. При таком покровительстве начинало Иоанну казаться, что делать нечего – дойти до Парижа и прочих стран. Тем более, что обязанность на нем такая лежала по уставу. Он был глава самого главного православного государства. По определению, он был Человеком №1 в международном сообществе и просто должен был вознести свою десницу над темными азиатами и заблудшими европейцами. Ведь потом, когда Бог призовет его к себе, – что ж ты, Ваня, просидел на троне мягким задом? – то не отпрешься и не оправдаешься непогодой и недочетом мелких денег.

Официальная Программа получалась такая. Крым – сюда. Прибалтику – тоже, сама просится. Польшу и Литву тоже пора забрать – это святое: они нашей Киевской Русью попользовались, пора и нам краковской колбаски пожевать. Немец у нас уже бит и еще бит будет. Потом турецкий Султан. Это серьезно. Но деваться некуда – Царьград забирать пора. Это было Богу обещано громким шепотом при свидетелях со стороны невесты. Турецкому все время двулично помогают французы: то Генрихи, то Филиппы, то Людовики Надцатые. Эти сильны будуарной интригой, но напрямую их мушкетеры против наших дровосеков не потянут.

Теперь гляди на Восток. Отомстить за наших князей, за-

давленных при Калке, свято? Святее не бывает. Так что – даешь Азию через Камень. И в самом Камне уральском тоже добра захоронено не весть сколько, только спугни Хозяйку Медной Горы. *Ну, а дальше-то что?*

Вот такая получается диспозиция. На первое время. Потому что уже идут слухи о какой-то совсем уж дальней, заморской, картофельной земле, о теплых краях на юг от Иерусалима. О нескольких Индиях и прочих чудесах.

Такое вот досталось Ивану хозяйство – Империя! Ее надо было собрать и устроить. Следовало судить крещеных и крестить тех, кто не крещен, казнить и миловать их. Работы много, но и вся жизнь впереди – какие наши годы? 26 – 28 лет! Тициан еще не брался за кисточку! Правда, Лермонтова уже успели пристрелить.

Последовавшие затем неприятности произошли от безразмерности задачи. Возникли споры, с чего начать. Сильвестр резонно советовал оставить христианскую Ливонию на потом, а сейчас добить крымских нехристей. Иоанн уперся. Ему был нужен близкий выход к морю, окно в Европу и т. д. Да и бить мягких, культурных прибалтов было не в пример приятнее, чем тащиться под палящим солнцем в холерную Тавриду.

Сильвестр настаивал на своем и перегнул палку. До сих пор ему удавалось полностью управлять царем. Он даже написал популярную книжку, как и что нужно делать в семье, за столом, на хозяйственном дворе, в спальне. Книжка

называлась «Домострой». Она дошла до наших дней, и ее с удовольствием читают незамужние воспитательницы детских садов и учительницы младших классов.

Но Иоанн уже вышел из детского возраста и стал неприятно коситься на Сильвестра страшным взглядом. Сильвестр не понял. Он продолжал в духовных беседах с царем настаивать, что все неприятности Иоанна – простуда жены, синяки у детей, ночные страхи самого царя – происходят от непослушания мудрому духовнику. Это было уже смешно. Какой еще «мудрый духовник», когда сам Бог вел Иоанна, а Сильвестр был приглашен просто так, для сверки текста повседневных молитв!

В году, 23-х лет от роду, Иоанн опасно заболел после казанского похода. **1553**

– Вот! – зашептали во дворце. – Не любя Господу гордыня!

Царя заставили написать завещание в пользу новорожденного царевича Димитрия. Стал царь требовать с двоюродного брата Владимира и бояр присяги на верность младенцу. История повторилась: бояре переметнулись к претенденту. Владимир восстал. Сильвестр тихо поддержал его. Отец Алексея Адашева, прижившийся при дворе, стал всю агитировать за Владимира.

Вот как засветились гады! Вот как отблагодарили государя за поместья и угоды, за выпитые вина и съеденную осетрину, за соболей и московскую прописку, за кабриолеты

в 12 лошадиных сил!

Настал момент истины. Стали бояре хамить больному царю в лицо, покрикивать, что Захарьиным-Кошкиным-Романовым, этим грабителям и губителям Руси (как в воду смотрели!), присягать не станут! Что царица Анастасия Романова – такая же змея, какая была византийская императрица Евдокия, губительница Златоуста. Сильвестр при этом приосанивался и надувал щеки – русским Златоустом был, конечно, он.

Владимир при царе прямо и наотрез отказался присягать царевичу Димитрию. Возникли две партии. Слабаки перещеловали крест. Бунтовщики и сами не целовали и стали деньги раздавать другим, «нецелованным»: покупали голоса избирателей.

Глянул Бог на это безобразие и сменил первоначальный план.

От брани, волнений и нервного напряжения организм Иоанна мобилизовался, и царь выздоровел. Вот досада, мать честна! Но ставки были сделаны.

Сначала Иоанн по обету, данному Богу за выздоровление, поехал в дальний Кириллов Белозерский монастырь с женой и новорожденным сыном Димитрием. Был у царя двойной прицел: кроме благодарности Богу, еще хотел он приобщиться к дедовской мудрости, которая ревностно оберегалась учениками Иосифа Волоцкого, духовника деда Ивана III и Софьи Палеолог.

Оппозиция испугалась не на шутку. Церковный диссидент Максим Грек, обиженный белозерской братией, напророчил царю смерть младенца, если Иоанн все-таки решится ехать. Так и случилось. Новорожденный царевич скончался по дороге, царь впал в депрессию.

Но паломничество продолжалось, и в одном из малых лесных монастырей произошло прелюбопытное событие, давшее великий толчок строительству Империи. Проходная беседа царя со старым опальным монахом Вассианом Топорковым заложила мощный фундамент имперской политики, дала точный рецепт кадровой стратегии. А кадры, как потом выяснилось, решают все.

Спросил Иоанн у мудрого Вассиана, как мне быть, отец? Как управлять этой алчной сворой, чтобы она меня не загрызла? Как вообще руководить этой немислимой страной? Вассиан зашептал на ухо царю. И кто-то ведь услышал! А скорее, царь сам записал все для памяти.

Ответ был прост и велик. Цитируем его дословно и полностью:

«Если хочешь быть самодержцем, не держи при себе ни одного советника, который был бы умнее тебя, потому что ты лучше всех; если так будешь поступать, то будешь тверд на царстве и все будешь иметь в руках своих. Если же будешь иметь при себе людей умнее себя, то по необходимости будешь послушен им».

Царь был оглушен великой истиной. Он целовал руку свя-

тому старцу и умилялся: «Если бы и отец мой был жив, то и он бы такого полезного совета не подал мне!»

Здесь хочется сделать паузу, почтить минутой молчания великое прозрение Императора. Оно достойно того. Судите сами. Вот на Куликовом поле двести тысяч русских рубятся с полумиллионом татар. 150 тысяч голов кладут за Русь православную. А почти ничего. Через несколько месяцев Тохтамыш уже снова берет Москву. Да, конечно, происходит «перелом в общественном самосознании», русские уже не так обморочно боятся татар. Но и терпят их еще 100 лет! *Ну, а дальше-то что?*

А вот – в келье третьесортного монастыря... *Песношского*

Тут мой компьютер спотыкается и подчеркивает слово «Песношский» красным: название какое-то дурацкое, нет ли орфографической ошибки? Нет, дружок, все верно. Это самый правильный монастырь в истории нашей Родины, он важнее Ипатьевского и Соловецкого монастырей вместе взятых, главнее для Русского Чувства Киево-Печерской и Троице-Сергиевой лавр. И слова в нем были сказаны самые верные...

Так вот, в келье этого монастыря происходит вышеупомянутое великое событие, изливается небесный свет, которому суждено озарить все дальнейшее в этой стране. Поразительна мысль: не держи умнее себя, ибо ты – лучше всех. Как верно замечено: умнее – не есть лучше. Этих умных – как собак нерезаных, а толку с них?

Так из сумрачных стен средневековья выползло и окрепло великое имперское кадровое учение. Теперь Иоанн знал, кто виноват и что делать дальше. Умные бояре тоже поняли это по глазам царя и мышиной стаей юркнули под литовскую границу. Бежали Курбский и Ростовский, Лобановы и Приимковы, прочие непоименованные и недостойные чернил нашего Писца.

А личная жизнь царя тем временем все шла наперекосяк. Первые четверо детей – три дочери и упомянутый Дмитрий – умерли, прожив по нескольку месяцев. В живых остались обреченный Иван Иванович да Федор Иванович, «ребенок, отстающий в развитии», как сказали бы сейчас деликатные психопатологи. Что-то новая романовская кровь плохо смешивалась с древней рюриковой!

В ноябре года царь отправляется с больной Анастасией в очередное путешествие по монастырям, – он временами бежит из страшной для него Москвы. Вскоре Анастасия, первая и горячо любимая жена Иоанна, умирает с подозрением на отравление. Об этом привычно говорят в коридорах.

1559

Виноватыми назначают Адашев и Сильвестр. Прямых доказательств нет, и царь удаляет их с глаз долой в действующую армию и на Соловки соответственно. За изгнанниками стоит целый сонм прихлебателей царевой казны, и они не сдаются, им надо вернуть своих благодетелей.

Иоанн, видя действительные и мнимые заговоры, впада-

ет в паранойю. Хватают и казнят крещеную польку Марию Магдалину (имя-то какое!) с пятью сыновьями. А нечего было колдовать! Казнят брата бывшего фаворита Данилу Адашева с 12-летним сыном и тестем, казнят троих Сатиных, Ивана Шишкина с женой и детьми.

«А зачем вы разлучили меня с женою? – кричит Иоанн в письме беглому Курбскому. – Если б вы не отняли у меня мою юницу, то Кроновых жертв и не было бы», – наш царь, вишь ты, уже знает, кто такой был Крон!

Вообще, психика царя ломается окончательно, он теперь мгновенно переходит от буйного пира к зверской казни и обратно, как массовик-затейник из нашего студенческого кафе. Тот успевал одновременно обслуживать и свадьбу, и поминки, которые гулялись в соседних залах.

Но продолжим, братья, скорбный список безумных дел великого царя.

Михайла Репнин зарезан у алтаря церкви во время евангельского чтения за то, что на пиру отказался надеть потешную личину и укорял царя.

Молодой князь Оболенский-Овчинин – помните его отца, друга мамы Иоанна? – казнен за то, что открыто обвинил нового царского любимца Федю Басманова в «содомском» служении своему повелителю. Как мы видим, проблема сексуальной ориентации волновала народ и до поветрия СПИ-Добоязни.

Князя Дмитрия Курлятева с женой и малолетними

дочерьми насильно постригли в монастырь, выдержали несколько лет, по прошествии которых исполнили приговор – удавили.

Самые упорные, принципиальные враги государя назло ему стали постригаться в монахи.

Большое количество нестриженных бояр маялось в кандалах или по монастырям, где им приходилось довольствоваться малым. Вот, например, жалуется ссыльный государев вор Михайла Воротынский на недопоставку части обещанной кормежки:

- двух осетров свежих,
- полпуда ягод винных,
- полпуда изюму,
- трех ведер слив,
- ведра романеи, лично жалованной царем,
- ведра рейнского ида (я и не знаю, что это такое – С.К.),
- ведра бастру (?),
- 200 лимонов (!),

ну, и еще множества каких-то мелочей, пряностей, воску, «труб левашных», денег и так далее. Царь велел все дослать.

Это – в ссылке. А что же было в милости?

Тем не менее, от милостей царских продолжали бежать. Царь назначал поручителей за подозреваемых в подготовке побега. Бежали все равно. Поручителей сажали на осетрину и лимоны. Поручители бежали с подопечными. Стали назначать поручителей за поручителей. Побегали пирамидами

по 56 человек! Несладок, видно, рейнский ид! Вкуснее пить его на Рейне.

Такова была настоящая «первая волна» русской эмиграции. В эмигрантских листках стали перечислять бесчинства царя, но он отвечал достойно: «Самодержавства нашего начало от святого Владимира: мы родились на царстве, а не чужое похитили».

Вот это правильно! Все от Владимира Святого у вас и пошло.

Итак, все бежали от больного царя. Но и в голове покидаемого тоже всхлипывала мысль: бежать, бежать! Бежать в народ из опасной Москвы. Бежать из страны, если народ предаст. Нужно было проводить разведку в народе.

Царь пошел в народ. Он взял с собой семью. Взял бояр да дворян повернее. Велел им быть с семьями. Взял иконы и кресты. Взял всю казну, все драгоценности, всю посуду – на, сами понимаете, сколько персон. Вызвал надежных дворян из провинции. Велел им тоже быть с семьями, секретаршами, заместителями и войском. В общем, «удочку взял, чтобы рыбу ловить».

По первой замерзшей грязи поехали на Тайнинское – к Троице – в Александровскую слободу. По этому маршруту в память о походе государя (и на всякий случай) сейчас проложена линия московской электрички.

Московские деловые застыли в растерянности. Ну, поедь, помолись, но деньги-то зачем забирать? Стало им чудиться

нехорошее.

Предчувствия опять не обманули.

3 января года пришло в столицу «из походу» от государя пренеприятное письмо. Как ушат холодной воды, вылил Иоанн на москвичей такое, что в приличном московском обществе вслух произносить до сих пор не принято, – чистую правду. Виноватыми оказались, прежде всего, попы – от архиепископов до церковного сторожа, потом – бояре, воеводы и всякая чиновная сволочь. **1565**

А виноваты эти добрые люди были во всех грехах. И убытки государству они делали. И казну расхищали. И родственников к государеву котлу понатащили изо всех щелей. И «людям его государства» (это народу, что ли?) разорение причиняли. И земли присваивали. И прибытков казне не делали (скрывали доход от налогов). Ну, и службой пренебрегали, ясное дело.

Можно в это поверить? Конечно, нет. Галиматъя. Бред больного воображения. Чтобы российский чиновник пользу государства поставил ниже своего – как это у него называется? Не может этого быть! Быть не может!

Так вот, ото всех этих надуманных обид решил сирота Иоанн поехать да и поселиться где-нибудь, «где его Бог наставит». А на простых москвичей он не в обиде.

Грамоту прочли прилюдно. Поднялся вой и плач. Из толпы то и дело вылетали причитания типа: «Увы, горе!», «Согрешили мы перед Богом!», «Как могут быть овцы без пас-

тырей? Увидавши овец без пастыря, волки расхитят их!».

Волки тут же похаживали в козловых сапожках и овечьих шкурах навыворот и поеживались. Им очень хотелось поверить в отставку придурашного самодержца, по-быстрому поделить Москву и государство, да опасались они, нет ли и тут какого подвоха. Поэтому волки до поры спрятали зубы и навострили уши.

А народ, нарыдавшись, решил гнать попов к батюшке с покаянием. Пошли в слободу с мольбой: пусть государь «имеет их на своем государстве, как хочет», лишь бы принял снова правление в свои руки.

– Будет иметь, – кивал головой и повиливал задом из-за спины грешного вдовца голубоглазый Федька Басманов.

Царь согласился иметь государство на своих условиях. И условия эти были сказаны. Хотел он на изменников, воров, чиновников, взяточников, нерадивых царедворцев опалу класть, казнить без разбору дела, имение их брать в казну. Это он и раньше проделывал, но теперь желал получить согласие будущих казнимых на казнь и конфискацию имущества, на экзекуцию «по собственному желанию». Была и совершенная новость в пожеланиях царя.

Собирался он завести Опричнину: «двор и весь свой обиход сделать особый», бояр, весь штат и генералитет, все министерства и ведомства, всех приказных, стряпчих и жильцов назначить по-новому. То есть начать править с чистого листа.

Да, и – чуть не забыл – стрельцов себе назначить тоже особых. Как бы полк королевских мушкетеров. Всю эту параллельную структуру надо было чем-то кормить, с каких-то денег закупать рейнский ид и лимоны. Вот и города для налогообложения в пользу особистов были назначены особые. Часть Москвы очищалась от неопричных жителей и отдавалась под квартиры исключительно новым слугам народа.

А старую братию куда ж девать? А никуда! Куда хотите. «Трижды разведены». Отделены от церкви и государства.

Вот так, в один момент, была создана огромная Партия Наших. Передовой отряд государства и народных масс. Вот так Иван Грозный совершил еще одно, самое главное, имперское открытие: стране, народу и вождю нужна Партия. Единая, незаконная, мобильная, проникающая во все сферы жизни общества, лишённая всяких иллюзий и фантазий. И Партия эта была создана. Мгновенно и точно.

Великий Иоанн понял и основной принцип партийного строительства, который остолопы наших последних времен в муках изобретают сами. Этот принцип прост. В Партию нужно брать только самых темных, грешных, забитых, идиотических особ, которым при нормальной жизни ничего бы не светило. Они будут рвать копытами землю! А зарвутся, – будут безжалостно уничтожены. А чтобы все-таки и дело делалось, нужно снисходительно допускать в Партию считанный процент недорезанных умников, от которых предостерегал Вассиан. И теперь их можно спокойно ставить ниже

последнего кавалерийского выскочки, и все будет правильно. Опричнина!

Всех прочих беспартийных, чтоб не расслаблялись, объединил царь в земство – от слова «земля». Земляки должны только служить и работать, играть как бы в государство, иметь своих как бы начальников, заводить свои, беспартийные учреждения. При военных делах им не запрещалось, а даже предписывалось действовать впереди, на лихом коне.

Вся эта программа строительства светлого прошлого была принята единогласно, с овациями и конфискацией имущества. Последовали торжественные казни:

– князя А. Б. Горбатого-Шуйского с сыном и родственниками;

– двоих Ховриных;

– князя Сухого-Кашина;

– князя Шевырева;

– князя Горенского;

– князя Куракина;

– князя Немого.

Им были зачитаны обвинения в измене Родине, умысле на побег, вредительстве и еще в чем-то – скороговоркой.

Масса бывших была сослана (эх, как опять Сибирь бы пригодилась!).

Государь вернулся на какое-то время в Москву. Его никто не узнал. Создание Партии, Великая Опричная Революция дались ему нелегко: «волосы с головы и с бороды его исчез-

ли». Преображение, однако, делу не вредило. Стали быстро возводить новый дворец в опричной столице – Александровской слободе...

Историк наш, дойдя до опричнины, впал в длинные рассуждения о мотивах чрезвычайных действий царя, о невозможности дальнейшего думского влияния на имперского лидера. Тем не менее, в свои логические построения он вынужден был вставлять объективный аргумент. Все-таки царь был душевно болен. Все-таки он страдал манией преследования.

– Шизофрения – основание для импичмента, – ляпнул я. Но Историк с Писцом промолчали: то ли согласились, то ли не поняли.

Опричная Партия, тем временем, стала жить и развиваться. Возникла внутривластьная этика: все члены Партии, «от большого до малого, считали своею первою обязанностью друг за друга заступаться».

Круговая порука дополнялась идеологическими разработками. Были срочно сформулированы обвинения против старой элиты. А именно: бывшие «крест целуют да изменяют; держа города и волости, от слез и от крови богатеют, ленивеют; в Московском государстве нет правды; люди приближаются к царю вельможеством, а не по воинским заслугам и не по какой другой мудрости, и такие люди суть чародеи и еретики, которых надобно предавать жестоким казням». Завершался этот вопль благим пожеланием, «что государь должен собирать со всего царства доходы в одну свою

казну и из казны воинам сердце веселить, к себе их припускать близко и во всем верить...»

Тут Писец с Историком стали на меня снисходительно косяться. От длительного и тесного общения с премудростью шизофреника они и сами начали неадекватно реагировать на лица. Теперь они подозревали, что я не понял величия читанного документа. Пришлось их успокоить.

– Очень своевременная и верная мысль, – серьезно прокартавил я, – у нас бы сказали так:

«Буржуазные спецы ненадежны. Их можно рассматривать только в качестве временных попутчиков»;

«С течением времени классовая борьба не затухает, а разгорается, общество необходимо должно оставаться в состоянии перманентной революции»;

«Нет, и не может быть никакой пощады врагам народа, к ним следует применять единственную, высшую меру пресечения».

Ну, и в Политбюро, конечно, должны быть исключительно свои кореша, госбюджет нужно контролировать сообща, в баню и на охоту в Завидово ездить всем аппаратом...

Историк и Писец успокоились.

Опричнина между тем стала коварна. Вот приезжает к царю из Литвы с почтой от Сигизмунда-Августа некий бывший русский Козлов. Вернувшись к королю, хвастается в польской разведке, что завербовал всех московских бояр.

– Как ? – удивляются панове. *всех*

– Так и всех, – напирает Козлов, – всех беспартийных земцев.

Козлу верят и посылают боярам пачку именных тайных листов, чтобы переходили в польскую службу. Наша служба тоже не дремлет, берет всю почту, берет всех адресатов. От их имени лично царь пишет матерные ответы, что русский боярин Родины не продаст. Пока почта медленно тащится по грязи, гордых патриотов-изменников, ни ухом, ни духом не ведающих о своем воровстве, тащат на Лобное место.

Отмазаться от «листув паньства польского» успевают только трое молодых – Бельский, Мстиславский да Воротынский (он, вишь ты, уже на свободе!).

Старик Челяднин, кряхтя, лезет на плаху с женой и сообщниками: Куракиным-Булгаковым, Ряполовским, троими Ростовскими, Щенятьевым, Турунтаем-Пронским, казначеем Тютиным.

А на самом деле оформили Челяднину измену – вы помните? – за ловлю много лет назад любимого царского дяди Миши Глинского, когда тот тоже был предателем и польским шпионом.

ДОСТОЙНЫЙ ПОВОД ВЫПИТЬ

Опричнина налетела так стремительно, что мы чуть было не проехали мимо великого события в жизни нашего Писца. А дело было так.

Ранним утром 1 марта года Писец наш Федя прибыл на-тужной иноходью к нам в палату и замер у теплой стеночки – то ли больной, то ли хмельной. Мы с Историком как-то сразу почуяли: случилось страшное. Историк под пенсне подобрел глазами и стал кругами приближаться к Писцу, который морщил в руке какой-то листок. **1564**

«Кальтенбруннер женился на еврейке» – вспомнилось мне.

Тем временем, Историк уже поил Писца компотом, гладил его по сутулой спине, ласково уговаривал не грустить. Тут и я подошел. Взятый из костяной десницы листок оказался цветным титулом церковной книжки. И был он не писан. А был он ! И видно это было даже без пенсне. И почему-то от этого стало в палате жутко. *печатан*

Историк умно уговаривал Писца, что объективная необходимость в распространении православной литературы как раз и привела в середине 16-го века к возникновению русского книгопечатания. Писец хрипел, взвизгивал горлом и никак не мог проикать запутанную фразу, что «ныне древнее летописное узорочество иныи от лукавого восхищяхом».

Тут и я бестактно встрял, чтоб ты, Федя, не грустил, потому что все прогрессивное человечество, как раз намеренно справило столетний юбилей книгопечатания. Коварный немец Гутенберг из Майнца давным-давно похитил твое древнее девичество, или как там ты говоришь. Так что под Парижкой Бога Матерью тамошние квазимоды бойко торгуют своими католическими библиями, апулеевскими Золотыми Ослами и другой порнографией. Писец стал попросту выть в голос.

Нужно было спасать человека.

Пришлось мне отжать Историка и потащить Федю вниз, на самое дно московской жизни.

Оттуда запомнилось мне сумрачное мартовское солнышко в слюдяном окне шалмана, плавно оказывающееся Луной. Да девка какая-то вполне шемаханского вида все представлялась Шахерезадой и что-то предлагала на брудершафт. И Писца от этого немецкого слова рвало. А хозяин шалмана все подливал нам в глиняные чашки скользкую зеленую дрянь. И становилось Феде все хуже и хуже. И уже не плакал он, а только шептал: «Ты меня уважаешь?». И я понимал, что он сомневается в уважении не к себе лично, потрепанному придворному писателю средних лет, а ко всем тысячам безымянных Писцов, согнувших свой горб за веру, царя и отечество.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.